

Г. Лукач, «течение» и сталинизм*

В.Ю. Быстров

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

В.М. Камнев

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Предметом статьи является отношение Г. Лукача и его единомышленников (так называемого «течения») к феномену сталинизма. Принципиальным подходом в статье является стремление избежать любых односторонностей в оценке этого феномена. Прослеживается философская эволюция Георга Лукача и изменение его отношения к теории и практике сталинизма. В 20-е гг. Лукач приветствует идею построения социализма в одной стране и связывает это со своим отходом от прежних революционных идей «Истории и классового сознания». Этот поворот выражается в новой трактовке Гегеля как «реалистического» мыслителя, «реализм» которого проявлялся в стремлении найти «примирение» с действительностью (прусского государства) и в отрицании любых утопий. Философская эволюция, ведущая к «реализму», предполагает интеграцию революционера в иерархию существующего общества. Статья «Гиперион Гельдерлина» представляет собой попытку оправдать сталинизм как необходимую и «прогрессивную» фазу революционного развития пролетариата. Тем не менее события второй половины 30-х гг. (массовые репрессии, мирный договор с нацистской Германией) вынуждают Лукача осознать катастрофичность

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 18-011-01042 «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М.А. Лифшица)».

политической стратегии сталинизма. В своих работах он перестает касаться политических тем и концентрируется на проблемах эстетики и литературоведения. Однако и его эстетическая позиция позволяет реконструировать изменившиеся политические взгляды и понять сложившуюся репутацию «внутреннего оппонента» сталинизму. После 1956 г. Лукач обращается к политической критике сталинизма, которая все же остается односторонней. Он видит в сталинизме разновидность левого сектанства, теорию и практику переноса реалий гражданской войны на эпоху мирного сосуществования двух систем.

Ключевые слова: революция, сталинизм, диалектика, романтизм, реализм, эстетика, Г. Лукач, М. Лифшиц.

Быстров Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии Института философии СПбГУ.

vyb83@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6487-4263>

Камнев Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии СПбГУ.

kamnevladimir@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0096-6190>

Для цитирования: Быстров В.Ю., Камнев В.М. Г. Лукач, «течение» и сталинизм // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

G. Lukács, “Techeniye” and Stalinism*

V.Y. Bystrov

*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

V.M. Kamnev

*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Original research paper

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 18-011-01042 “Conservative idea in Soviet philosophy and literature (M.A. Lifshitz circle).”

Abstract

The article discusses the attitude of Georg Lukács and his adherents who formed a circle “Techeniye” (lit. “current”) toward the phenomenon of Stalinism. Despite the political nature of the topic, the authors are aspired to provide an unbiased research. G. Lukács’ views on the theory and practice of Stalinism evolved over time. In the 1920s Lukács welcomes the idea of creation of socialism in one country and abandons the former revolutionary ideas expressed in his book *History and Class Consciousness*. This turn is grounded by new interpretation of Hegel as “realistic” thinker whose “realism” was shown in the aspiration to find “reconciliation” with reality (of the Prussian state) and in denial of any utopias. The philosophical evolution leading to “realism” assumes integration of revolutionaries into the hierarchy of existing society. The article “Hölderlin’s Hyperion” represents attempt to justify Stalinism as a necessary and “progressive” phase of revolutionary development of the proletariat. Nevertheless, events of the second half of the 1930s (mass repressions, the peace treaty with Nazi Germany) force Lukács to realize the catastrophic nature of political strategy of Stalinism. In his works, Lukács ceases to analyze political topics and concentrates on problems of aesthetics and literary criticism. However, his aesthetic position allows to reconstruct the changed political views and to understand why he had earned the reputation of the “internal opponent” to Stalinism. After 1956, Lukács turns to political criticism of Stalinism, which nevertheless remains unilateral. He sees in Stalinism a kind of the left sectarianism, the theory and practice of the implementation of civil war measures in the era of peaceful co-existence of two systems.

Keywords: revolution, Stalinism, dialectics, romanticism, realism, esthetics, G. Lukács, M. Lifshitz.

Vladimir Y. Bystrov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

vyb83@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6487-4263>

Vladimir M. Kamnev – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

kamnevladimir@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0096-6190>

For citation: Bystrov V.Y & Kamnev V.M. (2019) G. Lukács, “Techeniye” and Stalinism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filososfskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Введение

Предмет данной статьи связан не столько с реальной историей так называемого «течения», объединявшего в 30-е гг. XX столетия ряд философов и литературоведов, печатавшихся в журнале «Литературный критик» (М.А. Лифшиц, Г. Лукач, В. Гриб, В. Александров, Е. Усиевич, А. Платонов и др.), сколько с восприятием объединявшей их системы идей как генетически родственной феномену сталинизма. Речь идет о достаточно распространенном представлении, что М.А. Лифшиц, Г. Лукач и др. если и не ответственны за многие темные стороны этого феномена (в том смысле, в каком Иван Карамазов ответственен за преступление Смердякова), то по меньшей мере приложили немало усилий для идейного оправдания сталинизма пред неизбежным судом истории [Поцелуев 2018; Стыкалин 2018].

Оценка «течением» периода 30-х гг. на фоне преобладающих и сегодня односторонних подходов действительно отличается своей явной неоднозначностью: «30-е годы – сложное время. Говоря военным языком, это был “встречный бой в темноте”, и столкновение тенденций, возникших в это время, еще самым неожиданным образом скажется в будущем. Разумеется, затор... не был и видимо не мог быть снесен даже той волной уравнительности, кот(орая) дала себя знать в изв(естных) каждому полит(ических) явлениях этого времени. Исторически так называемый культ личности был только пеной на этой грязной волне, и понимать его как создание одной какой-то демонической личности было бы далеко от научного взгляда на историю. Но после ломки и смены протагонистов, кот(орые) открыли дорогу восстановлению клас(ической) традиции Маркса и очистили (?) ленинизм от совершенно чуждых ему идеологич(еских) направлений антиподов Ленина, те тенденции, кот(орые) создали затор двадцатых годов, снова вернулись и к концу следующего десятилетия создали непреодолимую (?) силу догматической идеологии» [Лифшиц 2004, 104–105].

Характерный для «течения» литературоцентризм предопределил рассмотрение эпохи через призму человека, а не наоборот, и отсюда одна из центральных для «Литературного критика» проблема «человека 30-х гг.». И подход «течения» к раскрытию существенных характеристик этого десятилетия как раз и состоял в том, чтобы не уходить от принципиальной двойственности образа этого человека, не демонизировать его, но и не идеализировать [Хренов 2017]. Эта двойственность рождена самим ходом истории.

«Октябрьская революция оказалась в ловушке истории. Выходов для страны на основе провозглашенных этой революцией идеалов не было, или, во всяком случае, этот выход не найден. И в то же время путь для спасения революции найден в том, что в конце концов убило революцию. Ибо выход заключался в *преступлении*. Преступлении против народа и против страны. Оказались перейденными те границы, которые допустимы для выхода из кризиса, решения противоречий, что обернулось не только миллионными жертвами людей, но и падением нравственности народа, его моральным развращением. Лучшие люди тридцатых годов... своим бескорыстным энтузиазмом, жаждой блага не для себя в первую очередь, а для других невольно послужили той почвой, на которой могла вырасти система насилия... Многие люди тридцатых годов были искренними сталинистами... И не только потому, что они “не знали”. Многие и многие знали достаточно. Они знали главное, что сталинский режим *преступил*. Но что? Прежде всего он преодолел (пусть и неполно, пусть только на исторически не очень большой отрезок времени) всевластие рынка, всевластие “денежного рабства”» [Арсланов 2007, 209, 211].

Позиция Г. Лукача в 1920-е гг.

Разумеется, такой подход требовал одновременно и интеллектуального дистанцирования от конкретики событий 30-х гг., и искренних симпатий к идеалам социалистического строительства (выраженных в форме теории построения социализма в одной стране). В этом отношении счастливой удачей, «закономерной случайностью» оказалось длительное сотрудничество с «течением» Г. Лукача [Лагуев 2018].

Что касается второго компонента, то о его появлении довольно ясно пишет сам Г. Лукач, характеризуя собственную философско-мировоззренческую эволюцию: «В дополнение к этому III Интернационал после 1924 года с полным правом определил состояние капиталистического мира как “относительную стабилизацию”. Эти факты означали также для меня необходимость теоретической переориентации. Весьма отчетливо начало решающего изменения [в моих взглядах] показало то, что в дискуссиях в РКП(б) я стоял на стороне Сталина, на позиции признания возможности социализма в одной стране» [Лукач 2003, 87]. Это был поворотный пункт, знаменующий собой глубокий теоретический и политический разрыв со всеми его прежними революционными

идеями, в том числе и с теми, что были изложены в «Истории и классовом сознании». После этого поворотного пункта его сочинения характеризует идентификация со сталинизмом, хотя со многими оговорками.

В 1926 г. Г. Лукач публикует статью «Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики» [Лукач 2006, 222–262], которую не без оснований считают одной из его самых глубоких философских работ. С этой статьей обычно связывают расширение ориентированного на Гегеля марксизма «Истории и классового сознания». Действительно, интерпретация гегелевской философии в этих двух работах совершенно различна: если в «Истории и классовом сознании» Г. Лукач видел в философии Гегеля прежде всего категорию тотальности и диалектику субъекта и объекта, то теперь он квалифицирует его как «реалистического» мыслителя. Этот «реализм» проявлялся в стремлении Гегеля найти «примирение» с действительностью (например, прусского государства) и в отрицании любых утопий. Он признавал, что стремление Гегеля остановиться на настоящем было политически реакционным, но с методологической точки зрения он рассматривал это стремление как выражение глубокого диалектического реализма.

Здесь уместно напомнить, что именно оппозиция гегелевскому «Versöhnung» (примирению) была точкой отсчета для политического и идейного радикализма молодого Лукача [Земляной 2017]. Теперь, в конце своего революционного периода, Лукач вернулся к положительной оценке «примирения» Гегеля с действительностью. Можно заметить, с какой частотой в литературно-критических работах Лукача возникает образ революционера-романтика, мятежного бунтаря, который затем все же интегрируется в иерархическую структуру отвергаемого им прежде общества и находит там для себя весьма комфортную нишу. Разумеется, юношеские мечты и бунтарство героев романов вызывают симпатию критика, а принудительная сила классового общества, вынуждающая таких героев примиряться с действительностью, оценивается отрицательно. Аналогичную эволюцию жизненного пути – от бунтаря-романтика к реалисту-диалектику – он видит и у самого Гегеля. «Именно потому, что Гегель отвернулся от революционных идеалов своей молодости, его творчество стало вершиной немецкого идеализма: он понял необходимость исторического развития и методологию его постижения так глубоко и верно, как это вообще было возможно в рамках идеализма. Однако воззрения его раз-

вивались, научная зрелость была достигнута лишь ценой отказа от целей демократической революции, во всем этом трагически отражалась экономическая и социальная отсталость Германии... И если мы проследим дальнейшее развитие его взглядов вплоть до той грандиозной формы, в которой идеалистическая диалектика предстает как единый метод, то необходимо постоянно иметь в виду эту двойственность немецкого развития, которая делала и Гегеля “то колоссально великим, то мелким”» [Лукач 1987, 113–114]. Все это характеризует не только романтического героя-бунтаря, не только Гегеля, но и эволюцию самого Г. Лукача.

Оправдание сталинизма Г. Лукачем в 1930-е гг.

Эта аналогия находит свое недвусмысленное подтверждение и в написанной в 1935 г. статье «Гиперион Гельдерлина». Здесь мы обнаруживаем характеристику отношения Гегеля к эпохе Термидора: «Гегель строит свою философию, исходя из завершения революционного периода буржуазного развития. Гельдерлин не вступает в компромисс с буржуазным обществом, он остается верен старому демократическому идеалу греческого полиса и терпит крушение, сталкиваясь с действительностью, которая изгоняла подобные идеалы даже из мира поэзии и философии. И тем не менее философское примирение Гегеля с действительным развитием общества сделало возможным дальнейшее развитие философии в сторону материалистической диалектики (созданной Марксом в борьбе с идеализмом Гегеля). Наоборот, непримиримость Гельдерлина привела его в трагический тупик: неведомый и неоплаканный, пал он, защищаясь от мутной волны термидорианства, как поэтический Леонид, верный античным идеалам якобинского периода. Гегель отошел от республиканских взглядов своей юности и пришел к восхищению перед Наполеоном, а затем к философскому прославлению прусской конституционной монархии. Это развитие великого немецкого философа – общеизвестный факт. Но, с другой стороны, вернувшись из царства античных иллюзий в мир действительный, Гегель сделал глубокие философские открытия; он разгадал диалектику буржуазного общества» [Лукач 1939, 42].

Очевидно, что эти ремарки имеют отношение не только к истории Франции и Германии первой половины XIX в., но и к СССР 1935 г. Эта очевидность станет еще более несомненной, если учитывать тот факт, что в 1935 г. Л.Д. Троцкий опубликовал статью,

в которой впервые использовал термин «термидор» для характеристики исторической эволюции СССР [Троцкий 1935, 2–13]. Очевидно, что приведенный выше отрывок может рассматриваться как ответ Лукача Троцкому, который персонифицируется с упрямым Леонидом, отклонившим термидор и оказавшимся в политическом тупике. Лукач же, как и Гегель в свое время, понимает, что революционный период развития закончен, и строит свою философию, отталкиваясь от осознания этой новой ситуации во всемирно-историческом развитии [Баженов 2018; Макаренко 2012]. В то же время, выступая в качестве критика Троцкого, Лукач неявным образом принимает его характеристику режима Сталина как эпохи термидора [Павлов 2019].

Статья Г. Лукача «Гиперион Гельдерлина» представляет собой одну из самых тонких и изощренных попыток оправдать сталинизм как необходимую, хотя и «прозаическую», но все же «прогрессивную» фазу революционного развития пролетариата, если это развитие рассматривать как единое целое [Лукоянов, Шерихова 2018]. Есть определенное «рациональное зерно» в аргументации такого рода, и вполне вероятно, что такая аргументация имела воздействие на многих интеллектуалов и революционеров, которые верой и правдой служили сталинскому режиму. Но события последующих лет – Большой террор, московские процессы, договор с Германией и т.д. – должны были продемонстрировать не только Лукачу, что революционный процесс свое единство утратил. Если сталинизм был эпохой термидора, то Г. Лукач не мог не понимать, что такой термидор нанес пролетарской революции гораздо больше вреда, чем французский термидор буржуазной революции. Тем более, что одной из ключевых идей «Истории и классового сознания» (и от этой идеи Лукач никогда не отказывался) было утверждение, что, в отличие от буржуазной революции, революция социалистическая является не стихийным процессом, осуществляемым «вслепую» (словно «встречный бой в темноте»), а сознательным преобразованием общества самим пролетариатом. Об этом же в упомянутой выше статье писал и Л.Д. Троцкий: «В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно. Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть» [Троцкий 1935, 11].

Очевидно, что Лукач был совершенно не согласен с катастрофической стратегией сталинизма, и это несогласие начало вызреть

у него еще задолго до апологетики «Гипериона Гельдерлина». «Сталин в высшей степени роковым образом умножил эту теоретическую неуверенность, назвав в 1928 году социал-демократов “близнецами” фашистов. Этим была захлопнута дверь перед любым единым фронтом левых сил. Хотя в центральном для Советской России вопросе я стоял на стороне Сталина, я считал глубоко отталкивающей эту его позицию» [Лукач 2003, 88]. То обстоятельство, что в 30-е гг. интересы Г. Лукача концентрируются на проблемах эстетики и литературоведения, также можно объяснить, хотя бы частично, внутренним отторжением от политической теории и практики сталинизма. Но этот «эстетический» период творческой эволюции Лукача отличается одной особенностью: с неизбежными мерами предосторожности он последовательно защищает буржуазное культурное наследие и весьма подозрительно относится к творчеству «пролетарских» писателей [Полтавцева 2011]. Нагляднее всего эта особенность проявляется в его отношении к Томасу Манну и Бертольду Брехту. Томас Манн олицетворяет рационализм, аристократичность, респектабельность буржуазной традиции и последовательную оппозицию нацизму [Куциас 2017]. Тот факт, что Лукач видит в Т. Манне своего союзника, можно рассматривать как эстетический эквивалент политических коалиций коммунистического движения с буржуазно-демократическими партиями, коалиций, нацеленных на борьбу с фашизмом. В то же самое время Брехт прямо отвергается в силу его чрезвычайной непочтительности к фигуре среднего буржуа, а также в силу нарушения им эстетических традиций и симпатий к модернистским экспериментам в искусстве [Отан-Матье 2013; Павлов 2019].

Экстраполяция эстетической позиции Лукача позволяет реконструировать и его возможную политическую позицию. Репутация «внутреннего оппонента» сталинизму была, как видно, во многих отношениях оправданной. «Чистый» сталинизм предполагал не критическое и даже иррациональное согласие со всеми колебаниями генеральной линии, со всеми эксцессами международной и внутренней политики. Лукач не мог автоматически следовать за генеральной линией, его позиция иногда с ней совпадала, иногда нет. Разделяя общую цель построения социализма в одной стране, Лукач, если бы действительность предоставила ему такую возможность, скорее бы следовал принципам стратегии и тактики гипотетического народного фронта, объединявшего

коммунистические, социал-демократические и буржуазно-демократические партии. Положение Лукача в идеологическом истэблишменте СССР закономерно менялось: он был востребован, когда на первый план выходила борьба с нацизмом, и закономерно оказывался в оппозиции сталинизму, когда вместо нацизма главным врагом становились буржуазно-демократические (и социал-демократические) режимы, обвинявшиеся в подстрекательстве к войне.

Критика сталинизма в 1950-е гг.

После 1956 г. Лукач начинает сводить «старые счета» со сталинизмом, в том числе и со своим собственным. Он с энтузиазмом приветствовал решения XX съезда КПСС, «...воспринял XX съезд как начало коренного политического обновления и морального очищения мирового коммунистического движения, решительного разрыва с компрометирующими марксизм и идею социализма сталинскими методами» [Стыкалин 2001, 152]. Тем не менее критика Лукачем сталинизма в этот период является в основных своих аспектах незавершенной. Лукач отказывается обсуждать некоторые существенные элементы политики сталинизма, например, теорию и практику построения социализма в одной стране. Он осуждает политические процессы второй половины 30-х гг., но это осуждение сводится к тому, что он называет их политически излишними, т.к. представшие перед судом оппозиционеры были уже тем или иными образом лишены властных полномочий и поэтому не представляли политической опасности. Вместе с тем политическая составляющая Большого террора была в сравнении с общими масштабами массовых репрессий незначительной, т.к. было бы очевидной ошибкой представление, что население ГУЛАГа формировалось из оппозиционеров, а не из простых обывателей, не имевших никакого отношения к внутрипартийной борьбе. Иными словами, именно массовый характер репрессий оказывается вне поля зрения Лукача.

Кроме того, есть основания назвать критику Лукачем сталинизма критикой «справа». В это время он рассматривает сам феномен сталинизма как сочетание экономического субъективизма и революционного романтизма. Иными словами, сталинизм для него – это «левое» отклонение, «левое» сектантство, и поэтому с некоторой долей условности критика Лукача является критикой «справа». Главной ошибкой партии Лукач считает перенос ситуации 1917 г. на более поздний период, когда всемирно-историческая

ситуация значительно изменилась, когда главной стратегической задачей стала не борьба за победу социализма, а силовое противостояние фашизма и антифашизма. Поэтому главные ошибки были совершены в период конца 20-х – начала 30-х гг., тогда как последующие события были лишь повторением этих ошибок. Это правило распространяется не только на международную, но и на внутреннюю политику сталинизма, т.к. методы управления периода гражданской войны были перенесены на мирную повседневную жизнь 20–30-х гг. Такая оценка заметно расходилась с преобладающим в коммунистическом движении представлением, что именно ленинский период советской истории (1917–1920) был самым демократическим и плюралистическим периодом, тогда как сталинизм последовательно, шаг за шагом уничтожал «ленинские нормы» внутрипартийной жизни.

Лукач полностью поддерживает политику нового партийного руководства во главе с Н.С. Хрущевым как в ее внутреннем аспекте частичной критики сталинизма, так и в ее внешнем аспекте курса на мирное сосуществование двух систем. Экономический аспект мирного сосуществования двух систем, экономическая конкуренция «...становится одновременно единственным и монументальным произведением пропаганды; всякий успех укрепляет систему и во внешнем отношении означает повышение ее притягательной силы. Эта конкуренция определяет, в конечном счете, кто победит в этой международной классовой борьбе-сосуществовании» [Лукач 1989b, 111].

В то же время в той мере, в какой официальная критика сталинизма не выходила за границы критики «культ личности», позиция Лукача предполагала необходимость более глубокого анализа причин сталинистских деформаций социализма. Лукач указывает, что теория «культ личности» сводит сложную и противоречивую проблематику длительного периода в мировом коммунистическом движении и во всемирной истории в целом к качественным особенностям личности отдельного индивида. Лукач утверждал, что от этих индивидуальных особенностей анализ должен переходить к тому механизму, который вначале продуцировал «культ личности», а затем его постоянно воспроизводил и распространял. Без такого механизма «культ личности» неизбежно остался бы только субъективной аномалией. Тем не менее сталинизм для него оставался разновидностью левого сектантства, оказавшегося неспособным перейти от реалий гражданской войны к мирному социалистическому строительству. Корни этой неспособности являются у Лукача, скорее, гносеологическими, чем социальными. «Методологическая тенденция Сталина состоит в повсеместном исключении совокупности опосредствований и установлении

непосредственной связи между единичными фактами и наиболее общими теоретическими представлениями... Сталин... исключал все опосредствования и устанавливал непосредственную связь между теорией и практикой... Не теория конкретизировалась применительно к практике, а, наоборот, принципы упрощались, вульгаризировались согласно потребностям практики, нередко просто предполагаемым» [Лукач 1939а, 102].

Заключение

Остается, однако, неясным, является ли такое уничтожение диалектических связей между теорией и практикой, исключение опосредствований следствием субъективной неразвитости самого Сталина и его единомышленников (учивших диалектику «не по Гегелю») или же закономерным результатом действия глобального социального механизма, предполагавшего неизбежное формирование политической элиты из числа выходцев из социальных низов, имевших богатый революционный опыт, но скудный багаж знаний о мире и человеке. В любом случае критика сталинизма имела у Лукача диалектический характер в том смысле, что ее методологические основания позволяли избегать односторонних оценок.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арсланов 2007 – *Арсланов В.Г.* Постмодернизм и русский «третий путь»: tertium datur российской культуры XX века. – М.: Культурная революция, 2007.

Баженов 2018 – *Баженов Д.А.* Д.Лукач и его теория реификации: философский большевизм с Запада // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV международного симпозиум / под ред. А.В. Дахина. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. С. 21–33.

Земляной 2017 – *Земляной С.Н.* Георг Лукач и западный марксизм. – М.: Канон+, 2017.

Кулишкина, Полубояринова 2018 – *Кулишкина О.Н., Полубояринова Л.Н.* Теодор Адорно и Георг Лукач о реализме и декадансе // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 4 (20).

Куциас 2017 – *Куциас Т.* Георг Лукач и премия Гете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 4. С. 400–413.

Лагурев 2018 – *Лагурев А.С.* Д. Лукач: история жизни в пространстве онтологии // Studia Culturae. 2018. № 37. С. 175–183.

Лифшиц 2004 – *Лифшиц М.А.* Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004.

Лукач 1939 – *Лукач Г.* Гиперион Гельдерлина // *Лукач Г.* К истории реализма. – М.: Гослитиздат, 1939. С. 39–57.

Лукач 1987 – *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М.: Наука, 1987.

Лукач 1989а – Лукач Д. Письмо Альберто Кароччи // Философские науки. 1989. № 6. С. 102–104.

Лукач 1989б – Лукач Д. По поводу дебатов между Китаем и Советским Союзом // Философские науки. 1989. № 6. С. 105–111.

Лукач 2003 – Лукач Г. Предисловие (1967) // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. С. 70–97.

Лукач 2006 – Лукач Д. Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. С. 222–263.

Лукоянов, Шерихова 2018 – Лукоянов В., Шерихова Е. Лукач и Беньямин: две версии исторического материализма // Логос. 2018. Т. 28. № 1 (122). С. 143–155.

Макаренко 2012 – Макаренко В.П. Рафинированный догматик // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2012. № 1. С. 126–159.

Отан-Матье 2013 – Отан-Матье М.К. Восприятие Брехта в СССР // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 16–17.

Павлов 2019 – Павлов П.В. Эстетика и трагедия революции: взгляды Георга Лукача в «московский период» 1930-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 86–94.

Полтавцева 2011 – Полтавцева Н. Платонов и Лукач (Из истории советского искусства 1930-х годов) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 253–270.

Поцелуев 2018 – Поцелуев С.П. Вспоминая Лукача // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 57–69.

Стыкалин 2001 – Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. – М.: Издатель Степаненко, 2001.

Стыкалин 2018 – Стыкалин А.С. Кому опасен Дьердь Лукач? // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 181–193.

Троцкий 1935 – Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм (историко-теоретическая справка) // Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 2–13.

Хренов 2017 – Хренов Н.А. Парадоксы забвения и возрождения идей в гуманитарной науке (Бахтин и Лукач) // Культура культуры. 2017. № 1 (13) – 2 (14). С. 10–11.

REFERENCES

Arslanov V. (2007) *Postmodernism and Russian Third Way: Tertium Datur of 20th-century Russian culture*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (in Russian).

Autant-Mathieu M.-C. (2013) Reception of Brecht in the USSR. *New Russian Humanitarian Studies*. 2013. No. 8, pp. 16–17 (in Russian).

Bazhenov D. (2018) Lukács and His Theory of Reification: Philosophical Bolshevism from West. In: *Dialogue of World-Views: Life Way of Man, Society, State. Proceedings of 14th International Symposium* (pp. 21–33). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management of RANEPА (in Russian).

Khrenov N.A. (2017) Paradoxes of Oblivion and Revival of Ideas in Humanities (Bakhtin and Lukács). *Kul'tura kultury*. 2017. No. 1–2, pp. 10–11 (in Russian).

Kulischkina O.N. & Poluboyarinova L.N. (2018) Theodor Adorno and George Lukács about Realism and Decadence. *Alleya nauki*. Vol. 5, no. 4 (in Russian).

Kuzias T. (2017) Georg Lukács and the Goethe Prize. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 33, no. 4, pp. 400–413 (Russian translation).

Lagurev A.S. (2018) Lukács: History of Life in the Space of Ontology. *Studia Culturae*. 2018. Vol. 37, pp. 175–183 (in Russian).

Lifshitz M.A. (2004) *What is Classics?* Moscow: Iskustvo – XXI vek (in Russian).

Lukács G. (1939) Hölderlin's Hyperion. In: Lukács G. *On the History of Realism* (pp. 39–57). Moscow: Goslitizdat (Russian translation).

Lukács G. (1987) *Young Hegel and Problems of Capitalist Society*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Lukács G. (1989a) The Letter to Alberto Carocci. *Filosofskie nauki*. 1989. No. 6, pp. 102–104 (Russian translation).

Lukács G. (1989b) On Debates between China and Soviet Union. *Filosofskie nauki*. 1989. No. 6, pp. 105–111 (Russian translation).

Lukács G. (2003) *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Moscow: Logos-Altera (Russian translation).

Lukács G. (2006) Moses Hess and the Problems of Idealist Dialectics. In: Lukács G. *Political Texts* (pp. 222–263). Moscow: Tri kvadrata (Russian translation).

Lukoyanov V. & Sherikhova E. (2018) Lukács and Benjamin: Two Versions of Historical Materialism. *Logos*. Vol. 28, no. 1, pp. 143–155 (in Russian).

Makarenko V.P. (2012) Refined Dogmatist. *Political Conceptology: Journal of Interdisciplinary Research*. 2012. No. 1, pp. 126–159 (in Russian).

Pavlov P.V. (2019) Aesthetics and Tragedy of Revolution: Views of Georg Lukács in Moscow Period of the 1930s. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art*. 2019. No. 1, pp. 86–94 (in Russian).

Poltavtseva N. (2011) Platonov and Lukács (From the History of Soviet Art of the 1930s). *Novoye literaturnoye obozrenie*. 2011. No. 1, pp. 253–270 (in Russian).

Potseluev S.P. (2018) Rememebering Lukács. *Political Conceptology: Journal of Interdisciplinary Research*. 2018. No. 1, pp. 57–69 (in Russian).

Stykalin A.S. (2001) *Georg Lukács as a Thinker and Politician*. Moscow: Stepanenko Publisher (in Russian)

Stykalin A.S. (2018) Whom Lukács Is Dangerous to? *Istoricheskaya ekspertiza*. 2018. No. 3, pp. 181–193 (in Russian).

Trotsky L. (1935) The Workers' State, Thermidor and Bonapartism. *Byulleten' oppozitsii*. Issue 41, pp. 2–13 (in Russian).

Zemlyanoy S.N. (2017) *George Lukács and Western Marxism*. Moscow: Kanon+ (in Russian).